

ЦЕРКОВЬ НА УРАЛЕ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.В. Вяткин

Пермский институт железнодорожного транспорта, 614990, Пермь, ул. Горького, 2.

Исследуются основные направления государственно-церковного взаимодействия в военной сфере – как в мирное, так и в военное время (XIX – начало XX в.).

Контакты Церкви с вооруженными силами начинаются в глубине веков. Вспомним хотя бы о крестовых походах в степь Владимира Мономаха. Контакты эти говорят о многом: о расположенности Церкви к сотрудничеству с государством, о ее патриотическом настрое, о роли в ее жизни социального служения. Не стал исключением в этом отношении и Урал.

В годы войн явственно обозначался патриотизм Церкви. В епархиях Урала собирались значительные средства на нужды действующей армии; в монастырях и прочих церковных подразделениях размещались госпитали. Так, в ноябре 1812 г. Пермская духовная консистория издала указ о сборе пожертвований для беженцев с оккупированных французами территорий и размещении их в монастырях¹. С инициативами о взаимодействии в пользу воинов выступали не только духовные лица, но и представители гражданской власти. В том же 1812 г. епископ Вятский Гедеон (Ильин) писал местному губернатору Федору фон Брадке: «Узнал я, что Вашему Превосходительству предписано от правительства согласить граждан... на пожертвование...»². К письму прилагались первые пожертвованные деньги. Губернатор тут же ответил Гедеону: «... прошу... о содействии Вашего Преосвященства в побуждении всех верных сынов Отечества, дабы... принесли свое моление...»³ о победе над врагом. Пожертвования от духовенства Вятской епархии составили 12 896 рублей ассигнациями, 160 рублей серебром, кроме того, различные изделия из серебра и золота⁴. Секретарь Вятской духовной консистории Илья Колесницкий пожертвовал на победу над французами половину своего годового жалованья⁵. Во «внутреннее» ополчение поступили 38 человек духовного звания; всего же от Вятского края ополченцами стали 913 человек⁶. Многие исполнили тогда свой

патриотический долг, как, к примеру, сотрудники Вятской консистории – копиист Гавриил Мотрохин и писарь Петр Люминарский, «добровольно вступившие в войска»⁷.

По окончании той или иной войны Церковь помогала государству в обустройстве разоренных неприятелем территорий. Когда завершилась Отечественная война 1812 г., в уральских приходах собирали деньги для пострадавших московских жителей. В 1813 г. в уральских епархиях продолжили сбор средств для российской армии. Епископ Пермский Иустин (Вишневский) рапортовал в Синод 16 ноября 1813 г. о передаче в Пермскую казенную палату большой суммы пожертвованных денег. Можно смело утверждать, что Церковь была с государством и в дни бед, и в дни радостей.

Об Отечественной войне трудно было забыть. В 1912 г. в уральских епархиях озвучили императорский указ о праздновании столетия победы над Наполеоном. Церковь помнила героев, защищавших страну, помнила великих полководцев. Так, в 1825 г. в Пермской епархии среди духовенства была открыта подписка для пожертвований на памятник Дмитрию Донскому⁸.

Церковь постоянно собирала средства на военные нужды. В 1871 г. в храмах Пермской епархии опять установили кружки для сбора пожертвований раненым и больным воинам⁹. Вспомним, что в 1871 г. у России не было «большой» войны, активные, но маломасштабные военные действия велись лишь в Средней Азии. Не явный ли это знак постоянной заботы Церкви об армии?

Через шесть лет, когда началась очередная русско-турецкая война, внимание Церкви к вооруженным силам резко возросло: одними пожертвованиями дело уже не обходилось – в уральских монастырях

открыли госпитали для раненых воинов. И еще: в Церкви усердно молились о даровании победы русскому оружию. Не случайно, к примеру, по окончании Крымской войны, при всем том, что она считается проигранной, священники получили памятную бронзовую медаль и бронзовый наперсный крест.

Другой пример взаимодействия с вооруженными силами дает Вятская епархия. В 1869 г. один из вятских воинских начальников обратился через местную духовную консисторию с просьбой к духовенству предоставлять сведения о месте служения обвенчавшихся нижних чинов и именах их невест¹⁰. По распоряжению церковных властей венчание нижних чинов, находящихся во временном отпуске, производилось лишь с разрешения воинского начальства¹¹.

Служение духовенства в «горячих точках» наблюдается уже в XIX в. В 1815 г. священник Пермской епархии Максим Вечтомов, переведенный в армейское духовенство, был отправлен служить в гарнизон г. Владикавказа¹². Будучи иеромонахом, четыре года служил на флоте в составе морского духовенства настоятель Верхотурского монастыря архимандрит Герасим (Акимович-Кожуховский). Участие в Наваринском сражении в 1827 г. – одно из событий флотской службы архимандрита. На случай объявления мобилизации составляли списки священников для направления в действующую армию.

Рекрутские наборы также не обходились без участия духовенства. В 1862 г. Пермская консистория издала указ о порядке участия клириков в рекрутской жеребьевке¹³. Метрические сведения для составления рекрутских списков гражданские чиновники получали из приходов. Для проверки рекрутских списков уполномоченные чиновники и волостные начальники брали в приходах метрические книги. Специально назначенные священники принимали рекрутские присяги. С введением в стране всеобщей воинской повинности Церковь не осталась в стороне от призыва на военную службу. Соответствующие власти получали из приходов необходимые метрические выписки.

Порой государственно-церковное сотрудничество в военной сфере принимало «экзотический», по нашим меркам, харак-

тер. В 1864 г. Пермское церковное начальство допустило двух офицеров – поручика Яковлева и подпоручика Соколова – на церковные колокольни для проведения астрономических работ¹⁴. Спустя два года для проведения тех же исследований на колокольнях выдали «открытый лист» капитанам Генштаба Каверскому и Емельянову¹⁵.

Но мы не сторонники создания идиллических картин государственно-церковных отношений. Кризисные моменты в контактах Церкви с военной сферой, конечно, возникали. Так, во второй половине XVIII в. на имя императрицы Екатерины II поступила челобитная от архимандрита Соликамского Спасо-Преображенского монастыря о недостойном поведении и угрозах местного воеводы и поручика Федора Бирюлева в адрес настоятеля обители и монахов¹⁶. А в 1834 г. священник Оренбургской епархии Роман Петров жаловался на коменданта Ильинской крепости майора Крылова, посадившего его на гауптвахту вместе с тем, что в Церкви называют Святыми Дарами¹⁷. Была ли вина священника, и если была, то в чем она состояла – нам неизвестно. Тем не менее генерал-губернатор распорядился о расследовании случая.

Военные власти участвовали в решении важнейшей церковной проблемы – в преодолении раскола. Так, в 1843 г. Оренбургская войсковая канцелярия распорядилась о закрытии старообрядческой часовни на территории Оренбургской губернии. Нужно заметить, что в первой половине XIX в. оренбургское духовенство постоянно применяло меры силового воздействия на старообрядцев¹⁸. В необходимых случаях обращались в столицу. В 1840 г. оренбургский генерал-губернатор В.А. Обручев просил разрешения военного министра на использование части войсковых денег для переоборудования в церковь другой старообрядческой часовни. В 1850-е гг. оренбургское губернское начальство издало не одно распоряжение о том, чтобы местная гражданская и военная власти «оказывали... всякое возможное содействие духовенству в... противодействии расколу; распространители же раскола преследовались мерами административными»¹⁹. В 1856 г., получив сообщение от управляющего Оренбургской епархией о появлении вблизи Оренбурга старообрядческого епископа, генерал-

губернатор В.А. Перовский немедленно предписал наказному атаману найти иерарха. Для объединения светских и духовных властей в деле преодоления раскола в 1847 г. в Уфе (тогда в Оренбургской губернии) создали Секретный комитет в составе начальника губернии, оренбургского епархиального архиерея, управляющего Палатой государственных имуществ, наказных атаманов Оренбургского и Уральского казачьих войск. Результатом работы Комитета стало активное участие судебной власти в преследовании старообрядцев. В 1859 г. Секретно-совещательный комитет создали в Оренбурге. Но главную роль в преодолении раскола чаще играла светская власть. Дореволюционный историк отметил особые заслуги в этом деле наказного атамана Уральского казачьего войска А.Д. Столыпина, которые признал и оренбургский архиерей²⁰. Епископ Амвросий (Ключарев) не случайно заметил: «Мы, как малолетки, все ждем, чтобы нам помогло правительство, но разве мы не знаем, что оно само вызывает нас к деятельности?»²¹.

В начале XX в. иные уральские клирики по-прежнему служили полковыми священниками, участвуя в воспитании воинов. Для совершения богослужений им могли предоставить и приходский храм. Деятельность полковых священников строго регламентировалась. Так, без согласия начальства им не разрешалось венчать офицеров. На случай объявления мобилизации составляли особые списки священников для направления в действующую армию.

В 1904 г., когда началась русско-японская война, на средства пермского духовенства учредили больницу для раненых²². Лазарет на 10 раненых воинов организовали екатеринбургские клирики²³. Епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский) призвал 1 февраля 1904 г. к сбору пожертвований на нужды армейских санитарных отрядов. А в апреле Владимир провозжал на фронт Челябинский полк, совершив молебен о победе русского оружия.

Во время Первой мировой войны на Урале, как и в других местах, более активной стала благотворительная деятельность. В Пермской епархии был создан комитет по сбору пожертвований на нужды раненых воинов, его возглавил выдающийся архиерей – епископ Андроник (Никольский).

Ежегодно в пользу раненых епархия жертвовала 4 тыс. рублей²⁴. С созданием военного лазарета в епархии не замедлили и в 1914 г. Для ухода за увечными при епархиальном попечительском совете был образован специальный женский союз. В сборе вещей для воинов и их семейств участвовали священнослужители. Из многих церквей в действующую армию были отправлены иконы. На Урале открывали приюты-богадельни для сирот и воинов-калек. Повсеместно оказывалась посильная помощь беженцам. Пермская духовная консистория распорядилась создать в каждом приходе попечительский совет, задачей которого являлась забота о семьях воинов²⁵. При крупных приходах Урала действовали попечительства «о нуждах военного времени». В 1914 г. епископ Андроник говорил об особой роли приходских попечительств в военное время²⁶. Уральские клирики пополнили контингент военного духовенства.

Не остались в стороне и монастыри. В годы мировой войны их благотворительная деятельность приобрела более широкий масштаб. Многие обители принимали беженцев. На монастырские средства открывались лазареты, один из них появился в Белогорском подворье г. Перми. В 1915 г. при Фаворской Спасо-Преображенской пустыни организовали дом-богадельню для увечных воинов. Кунгурский женский монастырь выделил три дома для военных. Власти намеревались забрать четвертый дом, по поводу чего игуменья Никия писала епископу Андронику: «Земно кланяюсь Вашему Преосвященству, прошу Вашего заступничества за монастырь перед мирским начальством»²⁷. Образцом милосердного служения в годы войны наряду с Белогорским был Чердынский женский монастырь. Теплая одежда, продукты питания, образки, крестики – все это щедрой рукой слали на фронт из Чердынского монастыря. «С удивлением и умилением могу особую радость всем поведать о том, что делает новая Чердынская обитель»²⁸, – писал скупой на похвалы епископ Андроник.

Подобная активность прослеживается на всем Урале. В 1915 г. настоятели монастырских общин Екатеринбургской епархии решили принять на монастырское содержание 80 увечных воинов, призывать свыше 400 сирот. Гостиничное помещение Верхо-

турского монастыря приспособили под лазарет для воинов на 30 человек. Монастыри также принимали военнопленных. Одна лишь Верхотурская обитель разместила у себя в 1915 г. около 500 человек. Но это не все: 53 послушника из этого монастыря были мобилизованы.

Патриотический подъем в годы Первой мировой войны охватил и духовные учебные заведения. Две трети корпуса Пермской семинарии отдали на военные цели: на втором этаже разместились казармы для мобилизованных, третий этаж отвели под лазарет. В 1914 г. Соликамское духовное училище распускало учащихся в связи с размещением в учебном здании военных.

Ректор Пермской семинарии архимандрит Пимен (Белоликов) ввел во время войны новый порядок. Младшие классы семинарии стали заниматься в его квартире. Для себя лично ректор установил режим строгой экономии: отказался от экипажа, отключил телефон. Учебу семинаристы совмещали с трудом в санитарной дружине и шефской бригаде: прибывающие в Пермь раненые нуждались в помощи. Однажды преподаватель Н.И. Колосов прочитал в семинарии лекцию о смысле войны по В.С. Соловьеву – на эту тему стали рассуждать чуть ли не все. И на праздновании 115-й годовщины семинарии в 1916 г. епископ Андроник произнес проповедь о духовной стороне войны. Большое влияние оказала она на семинаристов.

С началом Гражданской войны, когда на Урале хозяйничали красные, многие представители Церкви были призваны в действующую армию или подвергнуты трудовой мобилизации. Преподавателей Пермской семинарии А.К. Рыбакова и Н.И. Колосова после пребывания в тюрьме послали рыть окопы.

В годы Гражданской войны особую остроту обрел вопрос об отношениях пастырей и паствы. «Духовенство должно знать, – говорится на страницах газеты, издававшейся в Перми при А.В. Колчаке, – что народ и к нему предъявит сейчас более строгие требования и захочет получить от него несравненно больше в обстановке изменившейся психологии. Необходимо увеличить средства общения православных с пастырями...»²⁹. Вот что писал по этому поводу епископ Андроник: «Настоящая по-

ра дает нам (пастырям. – В. В.) прекрасный повод быть... в собственном смысле духовными руководителями... а не только требоисправителями, докучливо для себя и паствы собирающими пятаки за требы»³⁰.

В 1919 г., когда Пермь была занята Белой армией, о епархиальном попечительском совете, занимавшемся нуждами военного времени, вспомнили опять, обязав приходы направлять средства в его фонд.

Разделение на белых и красных коснулось и духовенства. Священник А. Попов, служивший в Пермской епархии, летом 1918 г. отрекся от Бога и стал коммунистом³¹. «Позорно и бесследно скрылся из города (Кунгура. – В. В.), уже после вступления освободительных войск (А.В. Колчака. – В. В.), священник И. Вологдин, которому молва народная приписывает какое-то участие в гонениях на пострадавших пастырей»³², – писал протоиерей Иоанн Луканин. Были и те, кто служил полковым священником в Белой армии, участвуя в воспитании военного контингента. Священник Пермской епархии Спиридон Быков поступил в Воткинский полк Добровольческой армии, причем, не только полковым священником. «Будучи санитаром, не боясь града пуль и артиллерийских снарядов, всегда первым подавал помощь... спас немало жизней... чем снискал к себе любовь солдат... Будучи священником, также снискал к себе любовь как настоящий пастырь, всегда готовый ободрить и дать нравственную поддержку... солдатам»³³, – сообщил командир Воткинского полка. В качестве дивизионного проповедника проходил служение в Белой армии в 1919 г. священник Василий Морозов. Священник из Добрянки Иоанн Гусев проходил пастырское служение в 10-м кавалерийском полку 7-й Сибирской дивизии. Что до Екатеринбургской епархии, то известны шесть ее священников, служивших в частях Белой армии. Для моральной поддержки белых командирам вручались знамена от монастырей, например, от Чердынской обители Пермской епархии и от Верхотурской обители Екатеринбургской епархии. Но вывод о значительной поддержке духовенством Белого движения является преувеличением: лишь малая часть церковного потенциала служила интересам Белой армии.

Таким образом, обнаружались следующие основные точки соприкосновения Церкви и военной сферы в XIX – начале XX в.:

- 1) широкая благотворительность Церкви по отношению к вооруженным силам и вышедшим из строя военнослужащим;
- 2) утверждение высоких морально-волевых качеств у «нижних чинов» и офицеров;
- 3) организация комплектования вооруженных сил;
- 4) научные изыскания;
- 5) регулирование вопросов личной жизни военных;
- 6) борьба с врагом, в которой Церковь выступала в первую очередь как духовный институт;
- 7) разрешение проблемы старообрядчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 542, оп. 1, д. 36, л. 153–153 об.

² *Осокин И., протоиерей*. Материалы для истории Отечественной и освободительной войны по архиву Вятской духовной консистории (Об участии вятского духовенства в событиях Отечественной войны). Вятка, 1912. С. 2–3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ История города Кирова. 1374–1974: краткий очерк / под ред. проф. А.В. Эммаусского и доц. Е.И. Кирюхина. Киров, 1974. С. 33.

⁷ *Осокин И.* Указ. соч. С. 18.

⁸ ГАПО. Ф. 109, оп. 1, д. 35, л. 206–207 об.

⁹ См.: ГАПО. Ф. 577, оп. 1, д. 20, л. 439.

¹⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1869. Отд. оф. № 12. С. 236.

¹¹ См.: ГАПО. Ф. 442, оп. 1, д. 3, л. 160, 169.

¹² ГАПО. Ф. 198, оп. 1, д. 91, л. 53.

¹³ ГАПО. Ф. 584, оп. 1, д. 1, л. 70.

¹⁴ См.: ГАПО. Ф. 109, оп. 1, д. 152, л. 76.

¹⁵ См.: Там же. Д. 78 а, л. 54.

¹⁶ ГАПО. Ф. 429, оп. 1, д. 11, л. 87–92.

¹⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания при Николае I. № 570. 31 декабря 1834 г.

¹⁸ См.: *Калугина А.Д.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев Оренбургской епархии в XVIII – первой половине XIX вв. // История православия на Урале: матер. церк. истор. конф., посвящен. 120-летию Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2005. С. 132.

¹⁹ *Чернавский Н.М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1901–1902. С. 626.

²⁰ Там же. С. 779.

²¹ *Амвросий (Ключарев), епископ*. О свободе печати с точки зрения Православной Церкви: два публичных чтения в зале Московской Городской Думы 17 и 18 марта 1882 г. М., 1882. С. 9.

²² ГАПО. Ф. 192, оп. 1, д. 61, л. 48.

²³ При описании событий в Екатеринбургской епархии в начале XX в. использована книга: *Лавринов В., протоиерей*. Екатеринбургская епархия: события, люди, храмы. Екатеринбург, 2001.

²⁴ ГАПО. Ф. 664, оп. 1, д. 9, л. 33.

²⁵ ГАПО. Ф. 442, оп. 1, д. 5, л. 104.

²⁶ ГАПО. Ф. 664, оп. 1, д. 7, л. 92.

²⁷ Там же. Д. 9, л. 229.

²⁸ Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ). 1915. Отд. неоф. № 29. С. 284.

²⁹ Освобождение России. 1919. 6 апр., № 78.

³⁰ *Андроник (Никольский), епископ*. Весенний призыв к духовенству епархии – позаботиться о солдатских семьях // ПЕВ. 1915. Отд. неоф. № 6. С. 148, 149.

³¹ ГАПО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 257, л. 57–61 об.

³² Там же. Д. 169, л. 3 об.

³³ Там же. Д. 124, л. 82.

CHURCH IN THE URALS AND ARMED FORCES OF RUSSIA IN THE XIX-TH AND THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURIES

V.V. Vyatkin

Perm Railway Transport Institute, 614990, Perm, Gorky str., 2.

The article is devoted to the problem of cooperation of church and state in armed sphere both in peaceful time and war-time in XIX and XX centuries.